

Владимир ЯКУШЕВ

**НЕВОЗВРАТНЫЙ
ПРИВЕТ**

Издание поэтической книги
«Невозвратный привет»
Владимира Викторовича Якушева
и подготовка её электронной версии
осуществлены при содействии
литературно-исторического журнала
«ВЕЛИКОРОССЪ» (velykoross.ru).

Владимир ЯКУШЕВ

Невозвратный привет

«Литератор Прикамья»

2026

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)64-53я44
Я49

Якушев, Владимир Викторович

Я49 Невозвратный привет : [сборник стихотворений] / Владимир Якушев ; худож. Михаил Ларкин. — Пермь : Литератор Прикамья, 2026. — 96 с. : ил.

ISBN 978-5-6052610-6-3 .

Жизнь тружеников-земляков, ритмы рабочего Урала, задумчивая лирика о родном крае и ощущение Промысла о России — главные темы стихотворного сборника Владимира Якушева.

Книга для читателей 12+.

ISBN 978-5-6052610-6-3

9 785605 261063 >

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2=411.2)64-53я44

© В. В. Якушев, стихи, 2026

© М. Ю. Ларкин, иллюстрации, 2026

© Пермское региональные отделение
Союза писателей России, 2026

ПЕРМЯК ХАРОН

Николаю Полотнянко

Долиной речки Егошихи
Идёт паромщик, местный житель,
В больших болотных сапогах,
Тревожа жизнь болотных птах.

Вот повернул он к устью Стикса*,
Отсюда до причала близко.
Пред ним, как смертная тоска,
Однообразная река.

Во мгле тумана ледяного
Дыханье мира неживого...
Фауст Никандрович Харон
Взойти даст мёртвым на паром.

Здесь проститутки, наркоманы,
И дебоширы, и смутьяны...
Под ними мёртвая река,
Однообразна, как тоска.

* Стикс — малая река в Перми, левый приток Егошихи. По одной из легенд император Александр I, приезжавший в Пермь в сентябре 1824 года, увидев реку, а за ней кладбище, назвал речку Стиксом. Краеведы считают возможным, что название Стикс закрепилось за речкой в конце XVIII века.

Опять столпились мертвяки
У вод стремительной реки.
Фауст Никандрович Харон
Кричит: «Проходим на паром!»

«Ещё как встретит вас Аид!»
— усопшим Фауст говорит.
Под ними, ужаса полна,
Мифической реки волна.

Над тишиной рядов солдат
Ветра, как матери, вопят.
В тумане лиц не разглядеть,
Но каждого узнала смерть.

Течёт под ними, как тоска,
Неумолимая река.
Сильно течение реки,
А передышки коротки.

Сосредоточен, напряжён,
Ведёт паром пермяк Харон.
Загадочна картина эта,
Следят за нею два поэта.

«Потусторонней силы грусть!
Я, Николай, сейчас напьюсь».

— «Давай, Володя, по домам,
Картина нам не по мозгам...»

Стоят друзья на сквозняке
И осень пьют на коньяке.
Взяв, чтоб размяк от коньяка,
Харона третьим, пермяка.

Так этим утром, боже правый,
Остановилась переправа.
Унялся Стикс и стал ручьём,
Исчезли лодки и паром.

* * *

Памяти Анатолия Гребнева

Погашены очи деревни,
Ничто не очнётся от сна.
Церквушка вот в оцепенение
По маковку погружена...

Луч утренний, счастьем сияя,
Церквушка родную узнал
И, нежности к ней не скрывая,
Вдруг в маковку поцеловал.

* * *

Пусть канут сорок сороков
Лет старины до новых дней,
Истлеет множество врагов —
Всё та же Русь! И на детей
Глядят вязальщицы снопов
И маскировочных сетей.

В БЕССМЕРТНОМ ПОЛКУ...

Их лица — в портретах.
Их фото — в альбомах.
Их судьбы в рассказах
Для новых знакомых...

Как после Победы
Вели себя просто:
Остался в живых —
Поднимай производство.

Они быть солдатами
Не перестали,
И ими, как прежде,
Командует Сталин.

И тем, кто — в героях,
И тем, кто — безвестен
Споём мы родные
Военные песни.

В Бессмертном полку
Их в лицо узнавая,
Плечом к плечу встанем
Девятого Мая.

МАТУШКА-ПЕРМЬ

Урал! Опорный край державы,
Её добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец.

Александр Твардовский

Укронацистский зверь
Ростом с Европу стал.
Друг под Херсоном теперь:
«Дёргай чеку», — сказал.

Это вампиров бал,
Рода людского враг.
Друг на войну с ним взял
Дедовский красный флаг.

Матушка вышла Пермь,
Батюшка встал Урал.
Укронацистский зверь
Этого не ожидал.

Здесь, где на звёздах чернь,
Светится в сердце Пермь!
От ледяных потерь
Души согреет Пермь.

Ждёт сына Матушка-Пермь,
Батюшка ждёт Урал.
Новый портовый день
Начал речной вокзал...

ПО ВЕСНЕ

Скачет царевич
На Волке Сером
С душой-девицей
Православной веры.
Вещие птицы
Поют на Руси.
Слышится тявканье
Рыжей лисы.

Мне снится, что я на толстой броне
И хочу уронить ногу или руку.
Но я знаю, их оторвёт вполне

Мир, принимающий меня за муху
Весны́, где сны́
не нужны войны́.

Твой доблестный путь
отмечен командирами.
Есть благодарность, остальное жуть.
Вчера отставник ругал всех мутилами,
Он был пьян и говорил муть
Весны́, где сны́
не нужны войны́.

Эта весна разбросала военных,
Как награды, по дорогам войны.
Это друзей, как героев верных,
Укладывают спать в облака тишины
Весны́, где сны́
не нужны войны́....

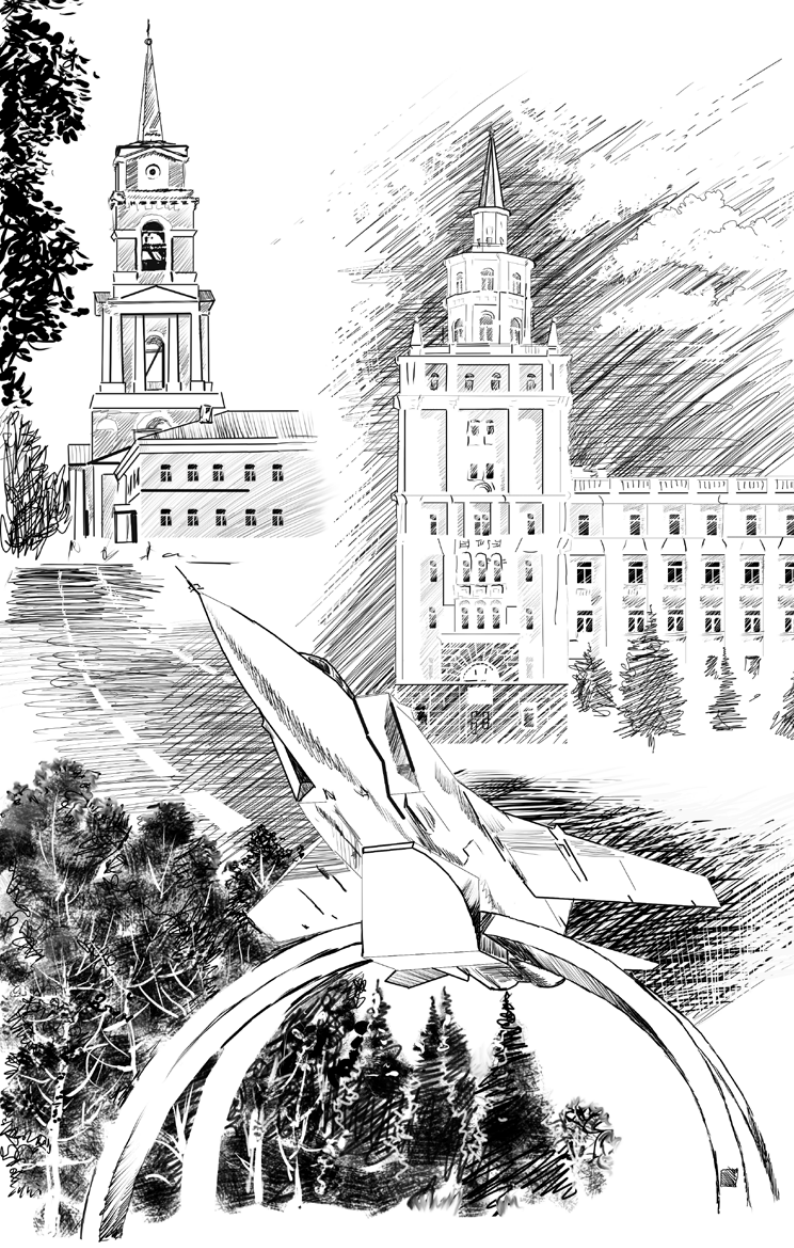
Ты исчезаешь
За новой листвой.
Ты для листвы,
Как в сказке, свой.
Память народная
Осквернена.
Время не лечит.
Лечит война.

ПЕСНЯ ПЕРМИ

Красавица Пермь начинает
Движение нового дня.
Я нужен! И Пермь это знает,
Ей не обойтись без меня.

Российская воля походов
И память хранят нашу жизнь;
Работает сердце заводов,
Конструкторов ясная мысль.

Легко с нашей чудною долей
Узнать по глазам пермяка!
Ведь с этой отвагой и волей
Вступали в отряд Ермака.

Бывает в природе затишье,
А в Каме играет заря;
И смотрит Василий Татищев,
Как в школы идёт детвора.

И самые юные люди
Идут в юнармейский отряд,
И дело тимуровцев будет
Жить дальше у пермских ребят!

Я нужен, и Пермь это знает.
Улыбкой встречая меня,
Красавица Пермь начинает
Движение нового дня...

ЗАГОВОР НА ПЕРМЬ

Николаю Глумову

На дне лежит Алатырь-глыба.
Чего желать? Я нем, как рыба.
О чём мечтаю на заре,
Смотрел на мошку в янтаре?

И я терял, что я любил,
И в лунном янтаре я стыл.
Видна, как мошка в янтаре,
Вся жизнь моя в Алатыре.

Ах, камень бел горяч, теперь
Неси меня в родную Пермь.
Вдруг жёлтый камешек с песка
Поднимет чья-нибудь рука...

* * *

Женщины уходят от мужчин,
Называя тысячи причин.
К ним прибавилась ещё одна
С женщиной, ушедшей от меня.

И теперь за дружеским столом
Я могу подумать о другом:
О друзьях подумать, о судьбе, —
А потом немного о тебе.

Но бывает так, что без причин
И сейчас, как в прежние года,
Женщины уходят от мужчин,
Оставляют раз и навсегда.

И попробуй их останови —
Дымкой мира тают на глазах!
Есть, конечно, логика в любви,
Как прогноз погоды в облаках...

ЛЕДИ

Маленькая леди
На велосипеде
Давит на педали,
Чтобы не догнали.

И звенит у леди
На руле звоночек,
И ласкает леди
Кудри ветерочек.

Даже у автобуса
Дрогнула душа
Оттого, что леди
Больно хороша.

Прыгают от леди
Взрослые и дети,
Потому что леди
Очень быстро едет.

И рыжее меди
Волосы у леди,
У прекрасной леди
На велосипеде.

Кто она? Откуда?!
Маленькая леди...
Ездит это чудо
На велосипеде.

ОСЕННИЙ ПРИЗЫВ

Не говорите, слова не помогут —
Это похоже на грусть.
Я находился по Сладкому логу,
Я насмотрелся на Тюсь.

Снова в России осенняя каша,
Я уезжаю от вас.
Это не осень, а родина наша,
Наша судьба — как приказ.

Кто-то уже по дорогам Вьетнама
Пыль выбивал сапогом,
Кто-то песком подавился Афгана,
С мины ныряя ничком.

Грустно девчонке моей на гулянке...
Мама, поплачь от души!
Завтра обнимут, вздохнут спозаранку:
«Не забывай нас, пиши».

Мы вам ответно прощально помашем:
«Не забывайте о нас!»
Это не осень, а родина наша
Нас провожает сейчас.

Ждите, родные, уходим в дорогу,
Чтобы вернуться на Русь
По тротуару, по Сладкому логу
К речке с названием Тюсь.

ЗВЁЗДНЫЙ КУПОЛ

Добрянке, Пермский край

Когда июльской порой
Горел над нами звёздный купол,
Я на заливе под луной
С друзьями пел и песни слушал.

А там, вдоль Камы, огоньки
Идущих медленно буксиров,
Так ходят наши мужики
От рядовых до командиров.

А там, где лёгкий поворот,
Стоит часовня городская,
Как дочка, смотрит в лоно вод,
Высоким душу занимая.

И можно медленно пройтись
Тут от района Комарово,
Где стариною дышит жизнь,
Почти до центра городского.

А там родная жизнь кипит,
Там женщины с такой осанкой,

Что детства друг идёт на вид
С почти античной горожанкой.

И даже дальняя земля
Не вынет родины осколок,
Где спят молодые тополя
Под плеск волны, под шум моторок.

И снова летнею порой
Горит над нами звёздный купол.
Мы на заливе всей семьёй,
И это лучше, чем я думал.

А там, где лёгкий поворот,
Стоит часовня городская,
Как дочка, смотрит в лоно вод,
Высоким душу занимая...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю, баю, баиньки,
Жили-были зайньки.
Молодые зайчики,
Девочки и мальчики.

Серый волк их донимал,
Из-за ёлочек рычал.
И решили зайньки
Сбегать к Насте маленькой.

Закатились под кровать
К ней игрушек поискать.
Поискать игрушек:
Пушек да хлопушек.

Волка серого стрелять,
Злого волка воевать.
Взяли зайки пушки,
Громкие хлопушки.

Ходят по лесу, стреляют,
Злого волка донимают.
Рыжи лиски испугались —
Все по норкам разбежались.

Зайчики смеются!
Лисоньки трясутся.
В самый дальний уголок
Убежал наш серый волк.

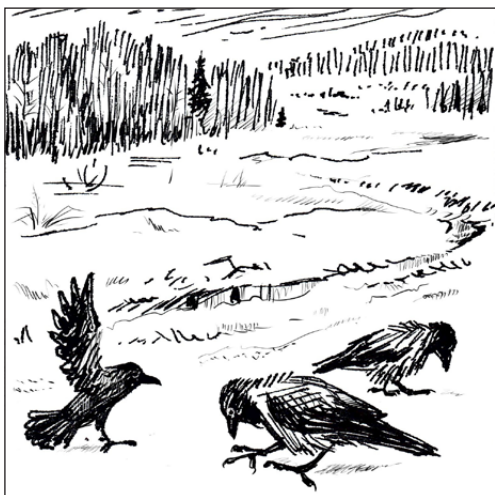
Вот какие зайньки
Дружат с Настей маленькой.
Молодые зайчики,
Девочки и мальчики...

* * *

Куда спешить, зачем идти, родная?
И где нам быть, не всё ли нам равно!
Пришла пора
 прекрасной встречи мая
И осыпает льдин хрустальных дно.

Я так люблю вот этот праздник
Видный,
Когда кругом так видно хорошо!
Дружней гребёт
 домой струг журавлиный
Во дни пасхальной радости ещё.

А нам семьёй рукой подать до дому...
— Христос Воскрес! —
 встречаю я знакомых.
— Воистину Воскреси! —
 отвечается.
Как будто Русь Святая откликается...

* * *

Мутная равнина,
Талые снега.
Каменная глина,
След от сапога.

Россыпью вороны —
Точки да тире.
Да собачий холод
В нашей конуре.

* * *

Девчонке душу не травми,
Не нарушай её порядка,
Не замечай её любви,
Её любви и так несладко.

Ждала она, а ты не ждал
Такой любви, как вечер летний...
Она всё знала, ты — не знал,
Дружочек совершеннолетний.

Ты получил, чего хотел,
Она не этого хотела...
Заря рассветная бледнела,
А ты в любви поднаторел.

Как Золушку,
 поцеловал
И проводил,
 как вечер летний,
И долго так
 не вспоминал,
Как сказку, что
 читал последней.

Всё для тебя давно прошло...
И вдруг вернулось этим летом
Любви той дёвичье тепло
Между закатом и рассветом.

Ждала она,
 а ты не ждал
Такой любви,
 как вечер летний.
А молодёжь
 ушла на бал,
На танцы, если
 быть конкретней.

ОДИН ИЗ ДНЕЙ

Светлане Замлеловой

Осенний ангел ходит по лесам,
Сбивает крыльями
с деревьев позолоту.
Он делает нелётную работу,
Но птицы льнут к златым его власам.

О птицы милые!
Им с ангелом чудно,

Они щебечут в золотых
кудряшках,
Клюют с ладони розовой зерно
И смотрят вниз
на беленьких барашков.

Играется снежинками зима,
Как девочка! Торопит белотропье.
Топорщит лес серебряные копы,
Летит над полусветом полутьма.

Посверкивают косы в небесах,
Вниз валятся охапками ромашки.
В ромашках белых белые барашки
У ангела толкаются в ногах.

Осенний ангел...
(Господи, прости),
Под крыльями его
немного лета,
Как строчка
невозвратного привета, —
Ненастье
на Руси
перенести.

ЗА ДЕТСКОЙ МЕЧТОЙ

За дальнею рощей,
За липовым цветом,
За синей рекой
Есть сказочный город,
Желанное лето
И дождик грибной.

Написано в книжке,
Что там коротышки
Чудесно живут
И самого славного
Из коротышек
Незнайкой зовут...

И даже однажды
Наш славный Незнайка
К Луне улетел,
Среди лунышей
Он тоскою о родине
Там заболел.

«Незнайка, дыши! —
Крикнул доктор
Пилюлькин. —
Скорее, друзья!

От этой болезни
Незнайке поможет
Планета Земля!»

И вновь завизжат
От восторга малышки
Всего городка:
На шаре воздушном
Друзья-коротышки
Рванут в облака!

Ах, так же хочу я
На шаре подняться
В простор голубой.
Возьмите меня,
Братцы, дайте собраться
За детской мечтой.

Летят коротышки
За облачным следом
Сторонкой родной
Над дальнею рощей,
Над липовым цветом,
Над синей рекой...

А наши детишки
Из детского сада
На небо глядят,
И каждому шарiku
В воздухе рады,
И громко кричат.

За дальнею рощей,
За липовым цветом,
За синей рекой
Есть сказочный город,
Желанное лето
И дождик грибной.

Написано в книжке,
Что там коротышки
Чудесно живут.
А самого славного
Из коротышек
Как, братцы, зовут?

* * *

Чердыни, Пермский край

Горит душа осенней рощи
Под утомительным дождём.
Она становится всё проще,
Всё молчаливей с каждым днём.

Ей ничего почти не надо,
Но влагу с рыженьких ресниц
Она туманным утром рада
Стряхнуть на заспанных синиц.

Ах, ей вся осень без печали,
А с ней и нам в краю родном.
Мы в жизни всякое видали
И, молча, всё переживём.

* * *

Проводили тупыми глазами
В ночь, вздохнувшую очень уж строго.
Вы плохие друзья, вместе с вами
Вперемешку со ссорой дорога.

Я ушёл — стала ночь холоднее,
Тяжелей и чернее тревога;
Я ушёл — стала вдвое длиннее
Вперемешку с печалью дорога.

ВО ДВОРЕ

Скрип-скрип,
 скрип-скрип —
Ходит страшный
 зимний
 грипп.

Он тебя за нос возьмёт,
Он тебе в лицо чихнёт...

В дом беги сидеть-грустить,
Горькие таблетки пить.

Мальчик стойко
 саблей машет —
Страшный грипп
 ему не страшен!

Со двора —
 скрип-скрип,
 скрип-скрип —
Убегает
 вредный
 грипп!

МАРТОВСКОЕ УТРО

Мартовское утро...
Впрочем, снег не тает.
А душа как будто
С солнцем прибывает!

И кричат с какой-то
Радости воробки!
Держится спокойно
Снеговик у тропки.

Завтра нас тревожить
Будет радость та же;
Ей, по счастью, тоже
Не хватает стажа.

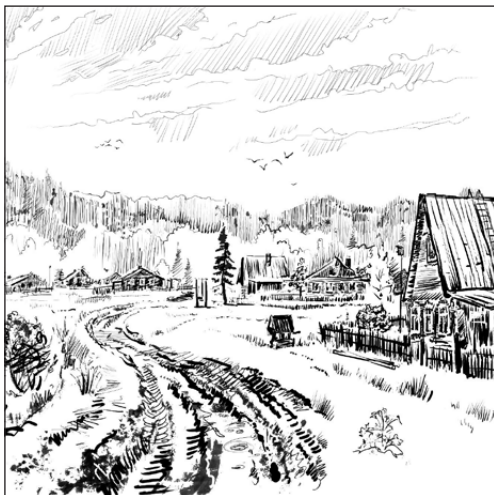
В самом юном возрасте
В ледяные дни
Спит в морозном воздухе
Капелька весны.

Улыбнусь мимозе
Я неоднократно...
А Урал серьёзен,
Наш,
в начале марта.

С ВЕСНОЙ СОВЕТСКОЙ!

На Восьмое Марта
Женщинам букеты
Дарим мы —
Для этого
У мужчин весна!
И желаем счастья всем
Женщинам планеты!
А потом единственным
Героиням дня...

* * *

Затягивает осень всё Прикамье,
Идут дожди — наливо до краёв.
А о тебе бегут воспоминанья...
Привет, родная! Проходи, любовь!

Бог знает почему, но я свободен
И тёмным светом изнутри объят.
Я ангелу слетевшему подобен,
Я помню крылья, как они болят.

Друзья мои, любимые, я с вами!
Мне крылья вырвали такие же, как вы.
Холмами я прошёл, как небесами,
Не преклоняя гордой головы.

И грязным льдом в пути изранив ноги,
Продравшись сквозь железные кусты,
Мы — ангелы,
 униженные,
 боги —
Найдём свои могилы и кресты.

И хладнокровно
 мы
 вдыхаем бездну
В испорченную кровь,
В конце концов.
Униженные боги бесполезны...
Но разве это чувствует любовь?

АМФИТРИОН

Марине Вит.

В прекрасный век,
век Просвещения,
Играл Мольер большую роль:
Он так писал произведенья,
Что улыбался сам король.

«Таков Юпитера закон, —
Сказал бы нам Амфитрион. —
Богов не просят, их не ждут —
Они приходят и берут».

Повержен враг. На крыльях славы
Амфитрион спешит домой.
Но у богов свои забавы
С его возлюбленной женой.

Таков Юпитера закон —
Рогатым стал Амфитрион.
Богов не просят, их не ждут —
Они приходят и дают.

Про антисчастья данный случай
Писал Булгаков Михаил.

Юпитер хоть кого проучит,
Кто что бы там ни говорил.

Иная жизнь, иные годы,
Иные дни в иной стране...
Уходят в прошлое народы,
Как будто гибнут на войне.

Нам никогда не быть своими
На этом празднике богов.
Обманут боги и богини —
Не принимайте их даров!

«Таков Юпитера закон, —
Сказал бы нам Амфитрион. —
Богинь не просят, их не ждут —
Они приходят и дают».

ТАНЦЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Кончается дождь.
День проходит.
Мы работаем
На родном заводе.

У нас всё серьёзно —
Нам дают химикаты.
Мы делаем звёзды
И делаем автоматы.

Делайте, что хотите;
Занимайтесь чем угодно!
Это право на труд —
Дело международное.
Только не целуйтесь,
Только не гуляйте,
Только не танцуйте,
Только не играйте
С огнём!

Он выжигает глаза,
Он вырывает язык.
Никто ещё не сказал,
Что он к нему привык.
Вечна мечта!

Она,
Будучи
 смутна
 вначале,
Делается
 точна
В каждой
 потом
 детали.

Дышат мои альвеолы,
Как в ПэТэУ
 подростки.
Стружки кружат,
 как пчёлы,
Возле цветка заготовки.
В линиях жизни металл.
В линиях жизни копать.
Глотку мою сорвал
Индустриальный грохот.

Лишь работаги могут
Не умирать напрасно,
А золотых обормотов
Брать на работу опасно.
Ходит бизнес по клубам,
Ходит бизнес по трупам.

А пролетарии в моде
На фронте и на заводе.

Здесь — настоящая Жизнь,
Смерть, и Любовь, и Танцы...
Вам тут не место, брысь,
Пошлые папарацци!

Вечны Икар и Дедал...
Но мечта
 в идеале —
Вот она, как сказал, —
Сделано
 на Урале.

СВОИМ ХОДОМ

Шофёр канистру из-под масла
Оставил под моим окном,
А ночью дождь по ней зашастал,
И было слышно мне о том.

Потом канистра известила,
Что дождь ещё сильнее прижал.
И напугал осенней силой
Прогноз начала всех начал.

О, этой осени начало,
Её тяжёлая рука!

Ни у кого же не бывала
Сильнее красная строка!

Сквозь сон мне чудилось, канистра
Вела подробно репортаж
О том, как, слушаясь министра,
Шли люди на второй этаж...

Глобальным было потепленье,
Взбурлил поток библейских вод,
Чтоб посмотреть на наводнение,
Сел Президент на вертолёт.

Затем канистра сообщила
Дождя бегущую строкой,
Что человек приложит силы,
Чтобы помочь стране родной.

Он был везде! Он был... как гений!
Ему практически вода
Рукоплескала при волнении
От вертолётного винта.

Притом, что делает Россия
Во время Третьей мировой,
Поведал Президент в эфире
С ему присущей прямотой.

Когда советским поколениям
«Открылась бездна, звезд полна...»,
Как русского стихотворения
Классическая глубина, —

С тех самых пор, как вдохновение,
Влечёт Россию Звёздный фронт;
Все эти звёздные скопления
Пополнят наш Алмазный фонд!

Нужна, конечно, для начала
России сильная рука —
И Провидение послало
Полковника-силовика.

Генералиссимуса Сталина
В родной истории учтя,
Само собой, я слушал далее
Пресс-конференцию
Вождя.

КОМАНДИРОВКА

Стоят бойцы
с родными на вокзале,
Им трудно,
очень трудно оторваться.
И на ресничку
счастья загадали,
А на слезинку
стали целоваться.

Другие, брат,
 пойдут через полгода,
В пожар заката
 проплывут в вагоне.
Всё та же служба,
 да другая рота
Своих родных
 оставит на перроне.

Прощайте, выпал срок
 под небом синим,
Под знаком
 бело-красного заката!
— Ты, дочка, за кого?
— Я за Россию!
 Ты, папка, за кого?
— Я за солдата.

МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ

Кудрявая, что ж ты не рада?..

Борис Корнилов

Мама русская идёт,
Не смеётся, не поёт,
Только брови хмурит,
Что ей надо, дуре?

Просто скучная пора,
Просто тошно ей с утра:
До кровавой рвоты
Муж ушёл в работу;

Объявились черти —
Адвокаты смерти;
И сидят в кутузках
Русские из русских.

...За детей постарше
Глупой бабе страшно,
И под сердцем плачет
Лялька, не иначе.

ОДИНОЧЕСТВО

Хорошо бы собаку купить.

Иван Бунин

Что такое? Мочат, мочат
В новостях с утра до ночи.
Дилетанты — как попало,
Есть и профессионалы...

Мочканут, как зайца в тире,
Раз, два, три — и ты в эфире!
Ни к кому нет больше веры:
Все соседи — изуверы.

Всё страшнее кажут рожи
Президенты и вельможи,
Олигархи-отщепенцы,
Гомосеки-извращенцы.

Террористы... Недоучки...
Куклы Барби самоучки!
Так же есть одна семья,
Что психует на меня.

НОЧНЫЕ ЧАСЫ

Город родной спит и видит,
как стал мне чужим.
Я курю, это жизнь,
и она обращается в дым.
Я смотрю, гуляет с любовью
продувной ухажёр.
Жизнь — это жизнь,
и она как военный костёр.

Я смотрю, мне достался
счастливый военный билет.

Этот дым ест глаза,
это пепел, но я им согрет.

Я гуляю, смотрю на цены,
как на жителей гор.
Жизнь... Эта жизнь
затоптана так, как костёр.

Город родной, ты мне ангел
и предохранитель.
— Делай, что хочешь, —
сказал, уходя, небожитель.
Этот дым ест глаза,
эта жизнь обращается в дым.
Город родной спит и видит,
как стал мне чужим.

Город родной спит и видит,
как стал мне чужим.
Я курю, это жизнь,
и она обращается в дым.
Я гуляю, смотрю:
с девчонкой продувной ухажёр.
Жизнь — это жизнь,
и она как военный костёр.

* * *

Давно забыл я смысл начала,
Иного в жизни не обрёл.
Паром от тёмного причала,
Как грузчик налегке, пошёл.

А я смотрю тяжёлым оком
И всё стою, как неродной...
Пройдусь сейчас я Сладким логом,
Как будто я иду домой.

А с Камы дует вольный ветер,
Он задувает сердце мне!

Спасибо, друг, за то, что встретил
Меня в родимой стороне.

Там — дом стоит моей знакомой;
Там — кто-то помнит, но не ждёт.
Здесь — о любви,
 простой и скромной,
Мне всё известно наперёд.

Я посмотрю
 в одно из окон,
Для ваших чувств
 давно чужой.
Пройдусь сейчас я
 Сладким логом,
Представив, что
 иду домой.

Не знаю,
 что я здесь забыл.
Роднее родина не стала.
Но обдал память юный пыл
Сверленья первого
 металла.

ПАРЕНЬ С УРАЛА

Седой Сизиф навверх камёнь катил,
Он знал, что делать этого не нужно.
Но философский камень этим жил,
И потому Сизиф пыхтел натужно.

О Камень-Алатырь — Седой Урал!
О камень исполнения желаний!
О скольких он людишек перемял,
Пока не впал в «сизифовские» длани.

Летит с Урала Камень-Алатырь —
Ревёт над городами атмосфера!
Вся ваша подлость перед этим —
пыль,
Не важная для хода нашей эры!
Он мнёт, и жжёт, и рвёт меридиан;
Горит рубец, огнём сочась, планеты!
Но философский камень людям дан,
И камень сам никак не канет в Лету!

Но твёрже камня твёрдая рука
Рабочего, Крестьянина, Солдата.
В России, чтоб вам знать наверняка,
Работают во время камнепада!

Мой сын!

На камень руку положи!
Давай-ка не потворствуй, а участвуй.
Каким бы ни был выверт у судьбы,
А камни с неба
только нам подвластны!

Сидит Сизиф и камень сторожит,
И философски всё воспринимает.
Здесь камень философии зарыт,
И это уважение внушает.

ИТОГИ

Всё туже вьюжная спираль
Сжимает горло — я немею.
А дальше рядовой февраль
Ломает мне прикладом шею.

Как псы, меня хватает снег
По обе стороны дороги.
Еще сбивает с толку век,
Который стелется под ноги.

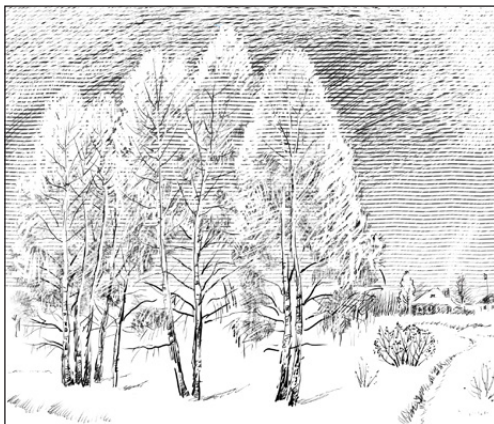
В душе — война или хана.
И чтобы улеглись тревоги,
Не хватит моря мне вина,
А вы — подводите итоги...

* * *

Обрываются с губ слова,
Так листьё с роц летит на ветер.
Еле держится голова,
С плеч срываясь, как двери с петель.

Но до дна осеннего дня
Дотяну свой стакан вина.
Гаснет вспышка от солнечной спички
В нём, как жизнь
на могильной табличке.

* * *

Искрится и морозит
Осенне-зимний стык.
Берёзки, смолкнув, несут
Зимы седой парик...

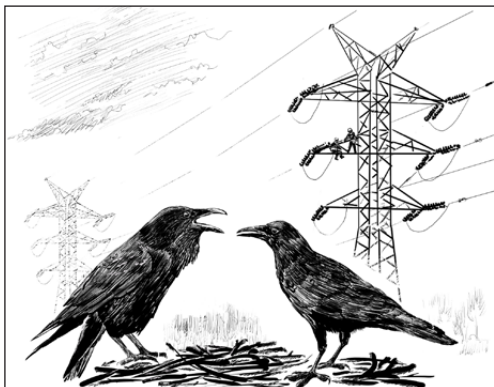
Чуть снегом оторочен
Твой домик у реки...
С калиной, крупной очень
И яркой для строки.

* * *

К Дню зимующих птиц в России

С утра пришла поэзия... Она
За изморозью встала у окна.
Ея одна из утренних привычек:
Чуть посмотреть, чуток
 послушать птичек.

В рассветной мгле двора пятиэтажки
Алеет птаха — крылья нараспашку.
И красным подчеркнёт сейчас заря
Январский день из жизни снегиря.

ВОРОНОВО ГНЕЗДО. *Рассказ*

В конце февраля ворон с ворони-
хой надстроили и укрепили своё гнез-
до на верхних балках электроопорной
башни. Они были довольны. Таскали
на башню сучья, но больше облетали
долину речушки, лес над кладбищем,
стоящие недалеко высоты. Над доли-
ной разносилось их граянье: горловое
колокольное бульканье, говорящее о
том, что они, вещие птицы, здесь, на
месте, на страже границы меж двух ми-
ров. Миром вечности, ночи и надмир-

ных звезд и нашим шумным миром текучей жизни. Миром, полным сейчас сияния снега, серо-синими облаками, а там, где облака протёрлись — ярко-голубым небесным светом.

Снегири полненькими красными и пепельно-розовыми шарами перелетали через лестницу с осинок на ракиты; синицы с ив ныряли к кормушке на семечки и на подвешенные для них куски сала и тут же взлетали обратно больше из жизнерадостности, чем из осторожности. Группа сорок стрекотала. Сороки словно танцевали в воздухе, не привыкнув никак к этому искусству.

На следующий день ворониха, стремительным остроклювым чёрным крестом скользя в воздухе неотвратно и бесшумно, изгнала из долины ошалевшую песчано-рябоватую молодую сову. Надеюсь, она бежала благополучно. Вороново гнездо за несколько лет стало огромным, снизу заметным и внушительным. Вполне себе замок, среди птичьих гнёзд, даже и вороньих, и грачиных.

Ворон с воронихой начали налаживать семейную жизнь. Забавлялись тем, что перелетали сверху вниз с перекладины на перекладину и обратно к своему дому. Конечно, не забывая облетать вверенную им, родную для них и меня, скромную в своём выражении местность.

Прошло ещё денька два, как я зашёл сюда снова. Шёл мостками, поднимался лесенками по левостороннему берегу навстречу Егошихе, которую я про себя называю Егозой за то, что она устроила себе довольно широкую в овраге долину. Петляя из стороны в сторону, раздваиваясь и сливаясь, бежит реченька на встречу с Большой уральской рекой, пробиваясь через большой уральский рабочий город и по дороге встречаясь с ручейком Стиксом. Я шёл как раз от устья Стикса и Егошихи. Наверное, раньше они были полноводней и говорливей. Егошиху местами перекрывает лёд, но там, где она вдыхает всё ещё морозный мартовский воздух, она неумолчно поёт, перекатываясь через плитняк. Тишина и журчанье.

Я увидел электроопору. Гнезда не было. За эти дни электромонтажники или какие другие рабочие, следуя инструкции, по требованиям безопасности, по чьему-ли правильному инженерному распоряжению сбросили с башни вороново гнездо. Казалось, этому многолетнему жилищу ничто не угрожало, было оно недоступно и в безопасности...

Мне хотелось услышать колокольное горловое бульканье вороновой четы. Но его не было. Перейдя Егошиху, я поднимался на правобережье и внезапно увидел ворона. Огромный, чёрный он спикировал с лесного взгорья и теперь низко, и безмолвно проносился над речкой, как ракета «Х». Он будто увеличивался, подлетая ко мне. Я увидел приоткрытый от отчаянья красивый большой чёрный клюв. Воздушная волна отбросила меня в сторону к перилам на другой стороне. В чёрных глазах ворона мелькнул клинок отблеска снегового света.

Сколько столетий (по народному поверью) жила здесь эта воронова

чета? Может, видела царя-батюшку Александра Павловича? Или тех раб-
ботяг, кто поставил здесь первые за-
водские бараки? ...Ворон тем време-
нем завершил свой широкий облёт
и теперь снова приближался ко мне.
Я схватился за перила.

Приятель позвонил мне в этот
день и рассказал окончание ещё од-
ной истории. В провинции (относи-
тельно нашего большого города), в
небольшом заводском городке, на
послевоенной писательской родине,
кровной по наладившейся там се-
мейной жизни и появившемся детям,
фронтовика Виктора А. (вошедшего
впоследствии в первый ряд писате-
лей России), женщина-библиотекарь
на основе глубокого искусства этого,
ставшего знаменитым, писателя орга-
низовывала двадцать один год лите-
ратурные чтения для детей, для юных
ребят и девушек. Шли годы. Дети ста-
новились учителями, врачами, инже-
нерами, рабочими... Но не забывали
литературных этих встреч, потому что
они плакали, смеялись, знакомились

и дружили друг с другом, благодаря этим встречам и этой женщине, вернее, благодаря её сильной душе. Ведь это она была душой этих встреч. Из года в год защищала эти встречи, терпеливо сносила укоризны, претензии, придирки, раздражение. Приглашала, призывала, звала, договаривалась. Не забывала благодарить наставников, родителей, да и чиновников... Сотни детей каждый год включались в эти встречи. Каждого из этих детей погладила доброта этих чтений, каждого похвалила. Дело было высокое и красивое. Настолько, что тоже казалось в полной безопасности. Потому что эта традиция, которой стоит дорожить и к которой примыкали на нашем Западном Урале дети со всей нашей большой Родины. И вот её отодвинули. Как-то странно криво, за спиной. Обманули те коллеги, кого она старалась поставить на крыло, чтобы они могли лететь без неё... Душа оказалась не нужной. Нужно ли это было делать? Не знаю. Но сделали бездушно. Безразлично, по надобности. И вишнёвый

сад вырубают не за любовь, а за копеечку. Эту женщину про себя я называю Аль Ми Ра. Движение блага в нашем мире. Ура-Урал. Радость осознающей себя жизни. Отодвинули и ничем по государственному не отблагодарили человека за исполнение в течение более двух десятков лет гражданского долга.

Случилось это... А чего стесняться? Это же очевидно. Взгляните на год. При министре благополучия местной культуры госпоже хорошей, при сановниках и вельможах нашего благословенного Приуралья. (И прочие места начальства и депутатов не пустые. Так везде.) Я думаю, что они и не знают этой истории, даже не заметили её. Они, надо полагать, очень добросовестные и умные добрые люди, как те, что сбросили с электроопоры многолетнее гнездо вещей птиц. Может, они прочитают сие повествование, и, может быть, их самолюбие кольнёт смутное неясное чувство. Что же это всё-таки такое: литература; и что такое: наследие? Аль Ми Ра...

Я произнёс это имя весеннему ветру. Отнеси его, ветер, стрункой весенней от нашего большого города до того заводского городка; пусть достигнет это имя слуха обманутой женщины. Чтобы не было этому красивому человеку так горько, так горестно, так одиноко.

...К середине марта моя Егоза побурела, стала мутной от паводка, раздалась, но сердитой не стала. Струится и рассказывает, только громче обычного, всему окружающему миру о своей жизни. Я слушаю родную Егошиху, блуждаю взглядом по небу. Ворона с воронихой не видно, не слышно. Что с ними? Может, всё-таки преодолели передрыги и обустроились где-то поблизости в другом месте? Если увижу их, обязательно допишу. Но пока — нет. Не о чем писать.

НЕОБЪЯТНЫЙ МИР ПОЭЗИИ

Моя творческая встреча с председателем Пермской краевой организации Союза писателей России Владимиром Викторовичем Якушевым произошла на просторах интернета. Он очень благожелательно и оперативно откликнулся на просьбу о возможности размещения моих рассказов на портале международного литературно-исторического журнала «Великороссъ». Здесь же я познакомилась с его многожанровым творчеством: стихами, рассказами, публицистикой.

Недавно Владимир Викторович прислал мне целую подборку своих стихов и рассказ «Вороново гнездо» к готовящемуся сборнику с названием «Невозвратный привет» и попросил написать послесловие. Для меня это стало большой неожиданностью. Знаю, что очень непростое и ответственное дело — написать своё видение о произведениях именитого автора, к числу которых принадлежит и В. В. Якушев, широко известный и

авторитетный в литературных и журналистских кругах России, Поволжья и Приуралья: достойный сын Матушки-Перми и Батюшки-Урала.

В ходе моего более подробного знакомства с его художественным творчеством по электронным изданиям, стихи и проза Владимира Викторовича вызвали большой интерес. Вначале подумалось, почему автор выбрал для названия словосочетание, близкое к оксюморонному, — «Невозвратный привет». И лишь по мере многократного перечитывания всего стихотворного цикла, исполненного, большей частью, из грустных воспоминаний об уже свершившемся, безвозвратно прошедшем, я осмыслила, что хочет сказать своим нынешним современникам автор, равнодушный к событиям дня прошлого и дня сегодняшнего. Ибо любая весть, что писатель желает направить из настоящего времени в историческое прошлое или в день завтрашний, к автору обратно вернуться может в будущем, но уже в некоей изменённой форме.

Или же не вернётся совсем, останется без ответа.

По видению В. В. Якушева, мысль, обращённая в глубину прошлых времён, в лучшем случае, сможет только неким отголоском высветиться в описываемых автором исторических фактах, его суждениях, произведениях, достигающих зениц и слуха читателя-современника. Оттого явления из давно прошедшего времени (исторические события страны; детство, отрочество, юность Поэта) находят осмысление в дне настоящем, откликаются в душе автора светлой радостью (как стихи о детских увлечениях) или же отдаются болью в душе неравнодушного Поэта (о новых военных событиях по периметру нашей страны) и через переживания его лирического героя обращаются в будущее — зачастую в форме пожеланий-заклиний о том, чтобы народу удалось терпеливо очередное «ненастье на Руси перенести».

Многострадальная тысячелетняя Русь перенесла много войн, и, каза-

лось бы, что мир навсегда установился после Великой Отечественной войны, храня память о воинах, шагая вместе со своими дедами, прадедами в бессмертном полку. Ногрянул гром, и снова сыны России встали грудью своей на защиту своего Отечества, продолжая их праведное дело. Поэтому, с первых строк начинаешь чувствовать боль равнодушного сердца автора и сопереживание жизни, текущей вокруг и сквозь каждого из нас, к происходящим в мире событиям: *«Укронацистский зверь / Ростом с Европу стал...»*, далее *«...Матушка вышла Пермь, / Батюшка встал Урал. / Укронацистский зверь / Этого не ожидал»*.

Поэта волнуют исторические перемены в стране, в мире. Не напрямую, а косвенно и в то же время метко сказанные слова отражают нашу действительность: *«Память народная / Осквернена»*. Тревожная мысль поэта-патриота открыто пульсирует во многих строчках стихов. Он акцентирует внимание на том, что

люди с надеждой и беспокойством ждут своих сыновей с войны, но для многих сограждан страны будни тыла остаются такими же, что и раньше, наполненными ритмом ответственного труда: *«Ждёт сына Матушка-Пермь, / Батюшка ждёт Урал. / Новый портфельный день / Начал речной вокзал...»*

Владимир Якушев в своих стихах затрагивает социальные, нравственные проблемы. Описывая действительность, поэт выдаёт горькую правду дня сегодняшнего, говорит о том, что практически всё держится на плечах простого народа: *«...Ходит бизнес по клубам, / Ходит бизнес по трупам. / А пролетарии в моде / На фронте и на заводе»*. Наши сограждане видят, как на экранах телевизоров явно проступают потуги тёмных сил по разложению общества. В таком хаосе человек становится одиноким. Святое становится чуждым, человек человеку безразличным.

Поэт В. В. Якушев в своём творчестве ратует за преодоление раскола в российском обществе и обретение

могущества своей страны. В своих стихах он прибегает к мифу о философском камне, который можно взрастить в своём сердце, лишь стремясь к духовному самосовершенствованию и в неустанных поисках справедливого общества. Хотя народная мудрость гласит, что многие люди пытались «найти» его, но не смогли — труден путь к всеобщему совершенству. Тем не менее, автор видит такого Человека, который готов с честью пройти все испытания. В стихотворении «Парень с Урала» автор пророчествует: *«Но твёрже камня твёрдая рука / Рабочего, Крестьянина, Солдата. / В России, чтоб вам знать наверняка, / Работают во время камнепада!»*

Творчество Владимира Якушева проникнуто чувством глубокой любви к Родине большой и малой. Автор с теплотой отзывается о пейзажной неповторимости гор, лесов, полноводных магистралей родных просторов. Об индустриальной мощи Пермского края. Об архитектурной ясности и од-

новременно о скромности городов и весей Предуралья.

Богатый язык автора побуждает обращаться к словарю, вызывая интерес к содержанию. Ритмичный строгий слог в его стихах перемежается с тёплым лиризмом, что придаёт философский настрой повествованию: *«Берёзки, смолкнув, носят / Зимы седой парик...»*. С восторгом воспринимаются строки, когда едва проявляются проблески весны: *«В самом юном возрасте / В ледяные дни / Спит в морозном воздухе / Капелька весны»*.

Поэт вдохновляется, наблюдая за природой, даже если приходится находиться в черте города: *«В рассветной мгле двора пятиэтажки / Алеет птаха — крылья нараспашку»*. Конечно же, природа даёт положительный заряд, особенно тогда, когда выпадает возможность выбираться в лес, поближе к реке, из шумных кварталов.

Все посвящения к собратьям по перу, написанные Владимиром Якушевым, проникнуты искренней теплотой. И в этом можно заметить

проявления утончённости эстетического видения автора.

До глубины души затронул рассказ «Вороново гнездо», в котором писатель показывает, что в мире иногда всё так бездумно и просто рушится, начиная от воронова гнезда до человеческой судьбы. Автор описывает, как безжалостно одни люди отнеслись к семье птиц, точно так же другие отнеслись к бескорыстной человеческой душе, в данном случае к судьбе героини рассказа, библиотекаря по профессии, посвятившей более двадцати лет популяризации творчества писателя-фронтовика, проводя ежегодные литературные чтения среди молодёжи. В какой-то момент «её отодвинули». И это сделали те, кого она «старалась поставить на крыло». Эту женщину автор назвал Аль Ми Ра — «Движение блага в нашем мире». К сожалению, очень часто благие намерения творческих людей перекрываются равнодушными чиновниками из вышестоящих организаций. И от этого становится очень горько на душе.

Вот и завершилось чтение сборника замечательного писателя Владимира Викторовича Якушева. Книга рассчитана на вдумчивого читателя. Послевкушие от всего, что было написано в книге, остаётся надолго. Хочется ещё раз вернуться к строчкам и вместе с автором окунуться в необъятный мир Поэзии.

Надежда Тронина,
*член Союза писателей
Удмуртии и России*

СОДЕРЖАНИЕ

Пермяк Харон	5
«Погашены очи деревни...»	10
«Пусть канут сорок сороков...»	11
В Бессмертном полку.....	12
Матушка-Пермь.....	14
По весне.....	16
Песня Перми.....	18
Заговор на Пермь	20
«Женщины уходят от мужчин...»	21
Леди	22
Осенний призыв	26
Звёздный купол.....	28
Колыбельная	30
«Куда спешить, зачем идти, родная?..».....	32
«Мутная равнина...»	33
«Девчонке душу не трави...»	34
Один из дней	36
За детской мечтой	38
«Горит душа осенней рощи...».....	43
«Проводили тупыми глазами...»	44
Во дворе	45
Мартовское утро	46
С весной советской!	47
«Затягивает осень всё Прикамье...»	48
Амфитрион	50

Танцы цивилизации.....	52
Своим ходом.....	57
Командировка	60
Материнский капитал	62
Одиночество.....	63
Ночные часы.....	64
«Давно забыл я смысл начала...».....	66
Парень с Урала	68
Итоги	72
«Обрываются с губ слова...»	73
«Искрится и морозит...».....	74
«С утра пришла поэзия.. Она...»	75
 Вороново гнездо. <i>Рассказ</i>	 76
 <i>Н. Тронина.</i>	
Необъятный мир поэзии.....	85

Литературно-художественное издание

Владимир ЯКУШЕВ

Невозвратный привет

Художник *М. Ларкин*

Художественный
редактор *С. Неведомская*
Технический
редактор *С. Глорио*

Подписано в печать ???.?.2026 г.
Формат 70х90 1/32. Усл. печ. л. **5,95.**
Тираж 200 экз. Заказ № 18870.

